

Си Цин, который не был большим болтуном за обеденным столом, спокойно закончил трапезу с Гунси Цяо, разговаривая и смеясь, и съел на полмиски риса и полмиски супа больше, чем обычно. Было очевидно, что семейная манера вести светскую беседу благотворно влияет на аппетит.

Восемь блюд и два супа были не слишком щедрыми для обслуживания гостей, но, в конце концов, ели только два человека. Итак, когда трапеза была закончена, за исключением блюда из грибов шиитаке и чой сума, которое было в основном съедено, ни одно из других блюд не было съедено более чем наполовину.

После еды им двоим нечего было делать, поэтому они просто заварили чайник чая и направились в оранжерею, чтобы выпить чаю и поболтать.

Оранжерея семьи Си была огромной, и внутри было много редких сортов цветов. Однако, глядя на внешность Си Цина, он, казалось, не слишком интересовался цветами и растениями.

Заметив, что Гунси Цяо, казалось, интересовался этими цветами и растениями, Си Цин налил заваренный чай в чашку и объяснил:

– Мой отец был любителем цветов. Все эти цветы были сокровищами, которые он собирал, когда был жив. После того, как он скончался, я нанял кого-то, чтобы позаботиться о них. Если тебе что-то понравится, я попрошу кого-нибудь прислать это тебе.

Услышав, как Си Цин впервые упомянул своих родителей, Гунси Цяо отвлёкся от цветов и растений и сел рядом с Си Цином.

– За этими цветами хорошо ухаживают. Если бы их оставили мне на воспитание, и они умерли, было бы жаль, – теперь он был артистом. Иногда он выезжал на место съёмок и подолгу не бывал дома, у Гунси Цяо просто не хватало времени, чтобы ухаживать за этими цветами.

– Это прекрасно. Когда захочешь их увидеть, приходи, – Си Цин подтолкнул чашку к Гунси Цяо. – Для меня эти цветы – просто букет цветов, названия и разновидности которых я не знаю. Если ты придёшь посмотреть на них, когда у тебя будет время, их жизнь не будет потрачена впустую.

В нескольких простых словах Си Цина Гунси Цяо услышал намёк на одиночество. Он протянул руку, чтобы взять чашку, на мгновение растерянно замолчал, затем улыбнулся и сказал:

– Хорошо.

В это время неожиданно зазвонил его личный сотовый телефон. Гунси Цяо поднял трубку и увидел, что это был звонок от Чэнь Кэ.

Чэнь Кэ сообщил ему хорошие новости. Оказалось, что объявление о государственной службе, которое он сделал с Национальной станцией, будет полностью транслироваться сегодня вечером более чем по десяти национальным каналам. Для него это была отличная возможность повысить свой статус сейчас.

Повесив трубку, Гунси Цяо взял свою чашку чая и сделал глоток. Это был вкусный и освежающий, редкий хороший чай.

Си Цин не спросил, в чем дело, но Гунси Цяо кратко описал причину звонка.

- Некоторое время назад я думал кое о чём очень серьёзно, - Си Цин поставил свою чашку. На его лице была горькая улыбка, которую Гунси Цяо никогда раньше не видел. - Какой человек был бы достоин такого хорошего человека, как ты?

- Каким образом ты пришёл к подобному умозаключению? - Гунси Цяо повертел чашку в руке, уголки его рта слегка приподнялись.

Си Цин посмотрел на него, покачал головой и кивнул.

- Я пришёл к выводу, который на самом деле не является выводом.

Гунси Цяо не стал спрашивать его, к какому выводу Си Цин пришёл. Он просто сказал:

- На самом деле, как бы я ни был хорош, кто бы ни посмотрел на это, ты во много раз лучше меня. Я должен быть тем, кто выразит такое чувство.

- Если бы ты был на моём месте, ты, вероятно, не был бы хуже меня. Но на твоём месте я, вероятно, был бы не лучше тебя, - Си Цин покачал головой. - Эти люди тебя не знают, поэтому они не знают, насколько ты хорош.

- Эти люди не знают меня? - Гунси Цяо поднял брови, улыбаясь. - Ты знаешь меня лучше?

Выражение лица Си Цина было немного неловким. Он посмотрел на Гунси Цяо и на мгновение заколебался, затем честно покачал головой.

- Я тоже недостаточно хорошо тебя знаю, но я хочу узнать тебя получше.

- Иногда друзья отдаляются друг от друга, узнав друг друга слишком хорошо, - Гунси Цяо подпёр подбородок одной рукой. - Может быть, когда ты поймёшь меня полностью, ты пожалеешь, что я твой друг.

- Нет, - сказал Си Цин, глядя на него. - Потому что я знаю себя.

Гунси Цяо улыбнулся с непонятным значением. Он взял чайник со стола, чтобы снова налить чай Си Цину, и медленно наполнил свою собственную чашку.

- Тебе никогда не приходило в голову, что я мог бы использовать твою личность, чтобы искать выгоды для себя и своей семьи? В глубине души ты должен понимать, что, хотя поклонники называют меня Цяо Шао, на самом деле небольшое богатство моей семьи похоже на комариную лапку в глазах ваших престижных семей, оно просто не стоит упоминания.

Си Цин пристально посмотрел на него.

- Иногда я на самом деле надеюсь, что из-за этого ты сможешь стать ближе ко мне. У меня ничего нет. Всё, что у меня есть, - это личность главы семьи Си.

В оранжерее на мгновение воцарилась тишина, которую нарушил смех Гунси Цяо.

- Что заставляет тебя так говорить о себе?

- То, что у меня есть, тебе не нужно. То, что тебе нужно, не обязательно есть у меня, - Си Цин опустил веки, глядя на колышущиеся чайные листья в своей чашке. Его голос был спокоен и лишён каких-либо эмоций. - Возможно, этот статус главы семьи Си, если на то пошло, не имеет никакой ценности.

Иногда, когда вам нравится человек, вы не можете не замечать в нём всё, не желая отпустить даже небольшое действие. Говорили, что Цяо Шао был мягким и вежливым. Однако ему было ясно, что человек, сидящий рядом с ним, под безупречной кожей, не был такой уж нежной душой.

Слова и действия Сяо Цяо были вдумчивыми и вежливыми по отношению к благородным сыновьям престижных семей, и ни следа небрежности нельзя было заметить. Тем не менее он чувствовал, что глубоко в сердце Сяо Цяо эти благородные сыновья из престижных семей мало чем отличались от прохожих на улице.

Поскольку у него была возможность позволить себе жить такой же привилегированной жизнью, он ни капельки не отличался от других. Он не снизошёл бы до того, чтобы угодить Си Цину. Его вежливые манеры были всего лишь вопросом его кодекса поведения.